

Г.Г. Филиппов

DOI: 10.25693/SVGV.2021.37.4.010

УДК 811.512.157'367.625.4

Времямодальные значения предикативно-спрягаемых причастий в основном падеже

Научная новизна. Статья посвящена проблеме притяжательного спряжения причастий в тюркских языках, сравнительному анализу видовременных значений автономного причастного сказуемого и зависимого подлежащего члена. Как известно, в тюркологии как аксиома принято положение о том, что причастный предикат спрягается с аффиксом принадлежности, который придает спрягаемой форме дополнительное значение прошедшего времени. В якутском языкознании уже давно выявлено, что это не аффикс принадлежности, а стяженная аналитическая эвиденциальная форма спряжения именного сказуемого со значением прошедшего времени. Вопрос в том, почему до сих пор считают, что причастный предикативный член спрягается с аффиксом принадлежности. Мы склонны предполагать, что причинами данного утверждения является то, что реальные факты языка трансформируются в иную плоскость, т.е. переходят из синтаксической в морфологическую.

© Филиппов Г.Г., 2021

Целью статьи является выявление сути изменения времямодалных значений предикативно-спрягаемых причастий в основном падеже.

Задачами статьи являются анализ зависимого предикативного члена в позиции подлежащего употребления, установление причин кажущейся трансформации эвиденциального времямодалного значения и превращения предикативного члена в притяжательное словосочетание.

Для раскрытия сути семантики спрягаемой формы используются методы компонентного анализа, дословного и семантического перевода сложных конструкций, функционирующих в основном падеже предикативного склонения.

Результаты. Употребление первичных причастий (в особенности причастий на -ар/-бат, -ях/-ымыях, -быт/-батах) в основном падеже в роли подлежащего зависимого члена создает иллюзию употребления притяжательных аффиксов в качестве спрягаемой формы причастных (именных) сказуемых. А в действительности на основе инфинитивно-субъектного употребления причастий происходит подмена обычносовершаемого прошедшего времямодалного значения зависимого подлежащего члена в притяжательное словосочетание. В результате зависимый подлежащий член воспринимается как спряжение причастия-имени действия с аффиксом принадлежности. Поэтому склонение причастных предикативных членов (предикативное склонение) многими учеными воспринимается как притяжательное склонение причастий.

Достижение адекватного понимания данного факта как предикативного склонения является результатом содержания этой статьи.

Ключевые слова: причастие, предикативное склонение, причастный подлежащий зависимый член, спряжение причастий, видовремямодалное значение, субъектно-объектный инфинитив, основной падеж

I. Введение. Спряжение причастий в тюркологии изучается давно и исследуется в разных аспектах. Но проблема спряжения в связи с развитием исследований морфологии и синтаксиса причастия еще более усложняется. В свое время Е.И. Убрятова обратила внимание на проблему склонения причастного предиката в якутском языке [Убрятова 1946, 1976]. И с тех пор, с 1960-х гг., ведется спор о притяжательно-предикативном склонении в тюркских языках [Гаджиева, 1973] и вопрос о склонении причастий порождает все новые и новые сложные проблемы [Предикативное склонение..., 1984]. В свое время этой проблеме автор данной статьи посвятил ряд работ [Филиппов, 1996, 1989, 2014]. В данной статье нам хочется вернуться к отношениям причастного предиката и притяжательного причастного члена касательно их склонения в основном падеже, так как эти формы увязаны в клубок противоречий морфологической и синтаксической омонимии, а также в их содержательном функциональном (синтаксическом) отличии в качестве словосочетаний.

Употребление причастия в основном падеже связано с его особым функциональным статусом в языке. Безаффиксальная форма причастия, представляющая форму основного падежа, является, в сущности, субстантивирован-

ном причастием, например: *сылдьыбыт сыыһы булар* – бездельничавший мусор находит, *көрдөөбүт көмүһү булар* – искавший находит золото. Таким образом, О.Н. Бетлинг и Л.Н. Харитонов причастием называли не само причастие, а его субстантивированную форму и называли глагольным именем. Поэтому притяжательное склонение имеют субстантивированные причастия с присоединившимся аффиксом принадлежности [Харитонов, 1947: 231]. На самом деле причастие представляет собой глагольную форму, с одной стороны, предназначенную выступать в роли определения субстантива, с другой стороны, становится предикатом того же субъекта, например: *сылдьыбыт киһи сыыһы булар* – бездельничавший человек мусор находит, *көрдөөбүт киһи көмүһү булар* – искавший человек находит золото, *киһи сылдьыбыт* – человек бездельничал, *киһи көрдөөбүт* – человек искал.

В русском языке причастие, независимо от того, стоит ли перед определяемым именем или после него, всегда имеет одинаковую форму, форму причастия. А в тюркских языках форму причастия определяют в зависимости от функции по-разному: в роли определения – причастие, в роли сказуемого – финитная форма глагола, в роли имени – глагольное имя, т.е. их считают омоформами [Ушаков, 1956: 4].

II. Материалы и методы. Материалами послужили примеры, отобранные из художественной, научной и публицистической литературы на якутском языке. Используются методы компонентного анализа, методы дословного и семантического перевода сложных конструкций, функционирующих в основном падеже предикативного склонения.

III. Результаты. Л.Н. Харитонов в учебном пособии «Современный якутский язык» [Харитонов, 1947] четко придерживается положения о том, что причастия якутского языка спрягаются с аффиксом принадлежности и имеют простое и притяжательное склонения. Тем самым порождается дилемма: спряжение причастий с аффиксом принадлежности и притяжательные формы причастий – это исторические омоформы или одно и то же морфологическое явление, но обозначенное разными терминами. Примеры, приведенные ученым на притяжательное склонение, представляют собой в большей части склонение предикативного члена, а не притяжательного причастия. Для сравнения: *Мин кэлбитим ыраатта* – я пришел уже давно (мой приход в прошлом отдалился уже). Это подлежащее предложение, поэтому должно переводиться следующим образом: «То, что я пришел, было давно». *Эн күөлгэ куһу ытыалырын биһиэхэ үчүгэйдик иһиллэр этэ* – твоя стрельба по уткам на озере была хорошо слышна нам. Это предложение переводится так: «То, что ты стрелял по уткам, было хорошо слышно нам». *Самолет көтөрө ыраахтан иһиллибитэ* – Полет самолета послышался издалека. Это предложение переводится так: «То, что самолет взлетал, послышалось издалека». *Кырдьар сааснар иитиэбим-аһатыабым арай эн бааргын* – В годы моей старости могущий меня питать-кормить только ты есть. Да, эта притяжательное (субстантивированное) причастие: В стареющем возрасте моем ухаживающим-кормящим меня только ты есть. *Булчуттарбыт кэлэллэрэ үс хонук хаалла* – До прихода наших охотников осталось трое суток. Это предложение переводится так: «До того, как придут наши охотники, осталось трое суток». *Кырдыаҕас ыт утуйарын таптыыр* – Старая собака любит спать (спанье). Лучше: «Старая собака спать (себе) любит». *Ыстаабыккын эрэнимэ, ыйыстыбыккын эрэн* – Не надейся на прожеванное, надейся

на проглоченное [Харитонов, 1947: 228]. Перевод: «То, что прожевал – не надейся, а на то, что проглотил – надейся».

Мин сайын таһырдыа утуйарбын ордоробун – Я летом предпочитаю спать (спанье мое) во дворе. Перевод: «Я летом во дворе спать (себе) предпочитаю». *Төһнөргөр таарыйаар* – На обратном пути (при возвращении твоём) заходи. Перевод: «Когда возвратишься, заходи». *Кун киирэрэ чугаһаабыт* – Скоро закат солнца. Перевод: «То, что солнце зайдет, скоро осталось». *Самыыр түспэтэбэ ыраатта* – Дождь давно не падал (дождя невыпадение его отделилось). Перевод: «То, что дождь не выпал, давно было». *Обуһум саа эстибитигэр соһуйбата* – Бык мой при выстреле не испугался (при ружья бывшем разрядении его). Перевод: «Когда выстрелило ружье, бык мой не испугался (не вздрогнул)». *Этиэххин этэбин* – Ты говоришь справедливо (то, что надлежит тебе, говоришь). Перевод: «Говоришь то, что надлежит сказать» [Харитонов, 1947: 231].

Спор о причастном спряжении ведется издавна. Со времен О.Н. Бетлингга ученые утверждают, что причастный предикат спрягается с аффиксом принадлежности, полагая, что причастный предикат представляет собой действие, принадлежащее субъекту. Например: *Мин барарым* – мой (предстоящий) уход; *мин барыабым* – мой (будущий) уход; *мин барбытым* – мой (прошедший) уход. Поэтому Л.Н. Харитонов все причастные предикаты считает именами действия, относящимися к субъекту. В действительности причастные предикаты спрягаются как именные сказуемые с аффиксами сказуемости: в форме настоящего времени – с полным аффиксом сказуемости (например, *мин барбыт+нын* – я, оказывается, ушел; *эн барбыт+кын* – ты, оказывается, ушел, а в форме прошедшего времени – связкой *э-* с аффиксом прошедшего категорического времени+ кратким аффиксом сказуемости (например, *барар э-ти+м*, *барарым* – я уходил; *барар э-ти+н*, *барарын* – ты уходил).

Все вторичные причастия: *-ыахтаах/-ымыахтаах*, *-ардаах/-баттаах*, *-быттаах/-батахтаах*, *-а/-ыы илик* спрягаются как именное сказуемое. Например, спряжение с аффиксом сказуемости: *Мин көрүөхтээхпин* (*көрүмүөхтээхпин*) – Я должен смотреть (не смо-

треть); *Эн барардааххын (барбаттааххын)* – Ты обязан идти (не идти); *Кини утуйбуттаах (утуйбатахтаах)* – Он однажды спал (не спал); *Эн оонньуу иликкин* – Ты еще не играл. Спряжение в форме прошедшего времени – связкой э- с аффиксом прошедшего категорического времени + кратким аффиксом сказуемости: *Мин көрүөхтээбим (көрүмүөхтээбим)* – Я должен был смотреть (не смотреть); *Эн барардаабын (барбаттаабын)* – Ты обязан был идти (не идти); *Кини утуйбуттааба (утуйбатахтааба)* – Он однажды спал (не спал) было; *Эн оонньуу илигин* – Ты еще не играл было.

Все первичные причастия сохранили спряжение с –э+ти+м, а спряжение с полным аффиксом сказуемости сохранено полностью только у причастий на *-быт/-батах, -бат*, частично сохранено у причастий с формой на *-ар*, не сохранено у причастий на *-ых/-мых* и *-тах*. Например, спряжение с полным аффиксом сказуемости: *Мин көрбүппүн (көрбөтөхпүн)* – Я, оказывается, увидел (не увидел); *Эн көрбөккүн* – Ты не видишь; *Кини көрөр* – Он видит. Спряжение в форме прошедшего времени – связкой э- с аффиксом прошедшего категорического времени+ кратким аффиксом сказуемости: *Мин от охсубутум (охсубатабым)* – Я сено косил (не косил). *Эн от охсорун (охсубатын)* – Ты косил (не косил) траву; *Кини от охсуоба (охсумуоба, охсуо суоба)* – Он скосит (будет косить) траву; *Эн от обуштабын (охсубатабын буолуо)* – Ты, возможно, косил (не косил) траву. Спряжение вторичных причастий и спряжение причастия на *-ар/-бат* в форме на *э+ти+м(-н, 0, бит,-гит, лэрэ)* подтверждают существование данной формы спряжения с эвиденциальным прошедшим временем.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что причастия якутского языка не спрягаются с аффиксом принадлежности, и ныне существующие притяжательные причастия не функционируют в роли предикативных членов, а представляют собой субстантивированные (заместительные) глагольные имена. Сравни: *итэрим-аһатарым эн эрэ буолабын* – мой ухаживающий-кормящий только ты являешься; или причастный предикат: *мин эйигин итэрим-аһатарым* – я тебя ухаживал-кормил. Это предложение при склонении причастия в основном падеже теряет свое времямодальное значение:

мин эйигин итэрим-аһатарым аһсаанга ылыллыбат – то, что я тебя ухаживаю-кормлю в счет не берется. Оно не всегда сохраняется и иногда превращается в имя действия: например, здесь предикат *итэрим-аһатарым* – ухаживал-кормил воспринимается как подлежащее «мое ухаживание и кормление» или иногда как «мой ухаживающий и кормящий».

В якутском языке причастие на *-ар/-бат* имеет значение незаконченного прошедшего времени. Все исследователи якутского языка считали, что формантом спряжения является аффикс принадлежности. Но Е.И. Коркина в монографии «Наклонения глагола в якутском языке» убедительно доказала, что здесь произошла фузия конечной аналитической формы спряжения [Коркина, 1970: 114], и появилась новая форма спряжения, которая впоследствии стала употребляться с именным сказуемым в прошедшем времени [Филиппов, 2014: 329]. Спрягаемые формы причастий при функционировании в определительных сочетаниях и управляемых предикативных конструкциях свои времямодальные значения видоизменяют в зависимости от выполняемой функции и семантики сочетающихся словоформ.

В определительном придаточном сочетании форма спряжения как бы дублируется аффиксом принадлежности: *Мин үөрэнэр оскуолам турар* – стоит (моя) школа, в которой я учусь (Дословно: я учусь школа моя стоит); *Эн олоһбут дьээн сылаас* – дом (твой) теплый, в котором ты жил (Дословно: ты учился дом твой теплый). Таким образом, аффикс принадлежности заменяет аффикс спряжения и образует определительное сочетание, а аффикс спряжения выпадает, и с ним и заменяется времямодальное значение определительного сказуемого: *Мин үөрэнэрим* – я учился было (я учусь); *Мин төрөөбүтүм* – я родился было (я родился).

В подлежащих придаточных конструкциях форма спряжения сохраняется, но в их времямодальных значениях тоже происходит изменения: *Бэрэсидьиэннэрин А.Лукашенко сууларары сылдьаллара өйдөммөт [Кыым]* – то, что хотят (своего) президента *свергнуть* не понимается. Дойду тутулуга суох *буолара* кутталга кирдэ [Кыым] – То, что страна *будет* независимой стала в опасности. *Фургалга, оннооһор, Госдуума дьокутааттарын киллэрбэттэрэ сокуону кэһии буолар* [Кыым] – «то, что не выпуска-

ют к Фургалу даже депутатов Госдумы, является нарушением закона».

В автономном предикативном употреблении все сказуемые имеют значение прошедшего времени с оттенком обычносовершаемого действия: *сууллараары сылдыллара* – обычно свергнуть хотели; *тутулуга суох буолара* – обычно была независимой; *дьокутааттары киллэрбэттэрэ* – депутатов обычно не впускали. А при употреблении в качестве подлежащего зависимого сказуемого времямодальное значение зависимого сказуемого заменяется настоящим будущим временем: *сууллараары сылдыллара өйдөммөт* – хотят свергнуть не понимается; *тутулуга суох буолара кутталга киирдэ* – быть независимой стало в опасности; *дьокутааттары киллэрбэттэрэ сокуону кэһии буолар* – не впускать депутатов является нарушением закона. Причиной такой трансформации причастного подлежащего зависимого члена заключается в его функции – становления субъектно-объектного инфинитива, чему способствуют значение причастия на *-ар/-бат* и функция основного падежа: сказуемое переходит в подлежащее: обычно свергнуть хотели – хотят свергнуть – желание его свержения; депутатов обычно не впускали – не впускать депутатов – невпускание их депутатов; обычно была независимой – быть независимой стало в опасности – становление его независимой стало в опасности.

Рассмотрим склонение других причастных предикатов в основном падеже. Причастие на *-быт/-батах*: *Мин эйигин ииппитим-аһаппытым* – Я тебя ухаживал и кормил. *Мин эйигин ииппитим-аһаппытым ахсаанна киирбэт* – То, что я тебя ухаживал и кормил, в расчет не берется. – Мое ухаживание и кормление в расчет не берется. *Обонньор киһини кытта кэпсэптэтэбэ өр буолбут* [Кыым] – То, что старик не разговаривал с людьми, давно стало. – Старика с людьми неговорение давно стало. В данном случае времямодальное значение зависимого предиката как бы остается без изменения, но изменяется статус предикативного члена: подлежащее в *Мин ииппитим-аһаппытым* (Я ухаживал-кормил) становится притяжательным словосочетанием – мое ухаживание-кормление. Это, вероятно, связано с отсутствием инфинитивной функции причастия на *-быт/-батах* в основном падеже.

Причастие на *-ыхах/-ымыах*: *Мин эйигин ииппитим-аһаппытым* – Я тебя (выхолю и накормлю) буду ухаживать и кормить. *Мин эйигин ииппитим-аһаппытым болбомтобо ылыллыбат* – То, что я тебя буду ухаживать и кормить, остается без внимания. Модальность зависимого предиката *ииппитим-аһаппытым* («выхолю и накормлю») превращается в возможное-долженствовательное инфинитивное действие «буду ухаживать и кормить» или в притяжательное имя-действие «мое ухаживание-кормление в расчет не берется (остается без внимания)». Это связано с зависимым положением ожидаемого будущего действия, который в сочетании с главным предикатом конкретизирует их действительные отношения.

Как видно из примеров, иллюстрирующих предложения, сказуемое которых выражено причастием в основном падеже, тут же его эвиденциально-времямодальное значение теряется, а само это предложение превращается в подлежащее, выраженное как бы притяжательным словосочетанием.

IV. Обсуждение. Таким образом, склоняемую форму причастия необходимо рассматривать по типу функционирования: во-первых, как субстантивированное имя, во-вторых, как предикативное употребление причастия. Причастие в роли определения не склоняется. Субстантивированное причастие в форме притяжания редко употребляется и почти не склоняется. Спрягаемая форма причастия имеет омоформу с притяжательной формой причастия, например: *барбытым* – я уходящий; *барбытым* – я ушел; *барарым* – мой уходящий, *барарым* – уходил; *барыабым* – мой уходящий; *барыабым* – уйду и т.д.

В тюркском языкознании считают, что причастие спрягается с притяжательным аффиксом [Бетлингк, 1990; Щербак 1981]. Поэтому как аксиому принимают положение о том, что аффикс спряжения причастия и аффикс принадлежности при причастиях оформляется одной и той же формой: *Барбытым кэлбит* – мой уходивший прибыл; *Мин барбытым* – я уходил. Но в якутском языке притяжательная форма причастия малоупотребительна. Поэтому выражение *Мин охсубутум сытар* якут воспринимает как «то, что я скопил, лежит», «мною скошенная (трава) лежит, а не «мною ударенный лежит». Из-за этого такие словосочетания однозначно

выражают: *мин кэлбитим* – я пришел, а не мой пришедший или мой приход; эн кэлбитинг – ты прибыл, а не твой пришедший или твой приход; кини кэлбитэ – он пришел, а не твой пришедший или твой приход.

Таким образом, предикативный член, выраженный причастием в основном падеже, переводится на русский язык следующим образом: *Кини хаһан төрөөбүтэ биллибэт* – Когда он родился – неизвестно; *Биһиги бу дойдуга сылдыбыппыт умнуллубут* – То, что мы в этой стране были, забыто; *Мин манна үлэлээбитим ыраатта* – То, что я здесь работал, стало давно. В этих предложениях причастное сказуемое, находясь в препозиции к главному предикату, становится подлежащим главного предложения. Причастный предикат сохраняет свое времямодальное значение и согласование с подлежащим, например:

– причастие на *-быт/-батах*: *Биһиги эһигини көрсүбүппүт уон сыла туолла* – Тому, что мы с вами встретились, исполнилось десять лет; *Эн манна сылдыбатыбын ыраатта* – То, что ты здесь не побывал, стало давно. Сказуемые *көрсүбүппүт* – встретились, *сылдыбатыбын* – не побывал выражают результативное прошедшее время;

– причастие на *-ар/-бат*: *Өлүөнэ муостатын тутуута сабалана икки сыл хаалла* – До того, когда начнется строительство Ленского моста, осталось два года. (Ленского моста строительство начинание его два года осталось). *Сылхонук аастабын аайы кинини суохтуурум күүһүнэн иһэр* – С течением годов и ночей усиливается, как я тоскую по нему (Год-ночевка прохождением по нему тоскование мое усиливается). *Күн-дьыл ааһара түргэнэ сүр* – Дни-годы текут так быстро очень (День-год течение его быстро очень). *Кини киһирэн кэлэрэ олус за астык буолара* – Приятно бывало, когда она заходя, прибывала (Ее внезапное появление). (Ее заходившее прибытие очень приятно бывало).

Ожидаемое видо-времямодальное значение формы на *-ар + аффикс лица* прошедшее незаконченное или обычно совершаемое действие видоизменяется в связи с осложнением предложения. В простом предикате их значения такие: *сабалана* – началось было; *суохтуурум* – тосковал бывал, *ааһара* – текло было; *киһирэн кэлэрэ* – заходя приходила;

– причастие на *-ых/-ымыых/-ыа суох*: *Кыайыгы бырааһынньыга буолуоҕа ый эрэ хаалла* – До наступления праздника Победы остался всего один месяц. *Мин күрэхтэһиһэ кыттабым билигин даҕаны быһаарылла илик* – Мое участие в соревнованиях до сих пор еще не решалось. *Толя тһэх хапсыһыга кыайтарыаҕа сэрэйиллэр этэ* – Поражение Толи в последней схватке было ожидаемым. Зависимые предикативные члены, выраженные причастием будущего времени на *-ых*, на русский язык передаются именами действия: *буолуоҕа* – наступление, *кыттабым* – мое участие, *кыайтарыаҕа* – поражение. Тем самым их времямодальное значение превращается в инфинитивное.

Кыайыгы бырааһынньыга буолуоҕа ый эрэ хаалла – Пока наступит праздник Победы, остался всего один месяц. *Мин күрэхтэһиһэ кыттабым билигин даҕаны быһаарылла илик* – Участвую ли я в соревнованиях, до сих пор еще не решилось. *Толя тһэх хапсыһыга кыайтарыаҕа сэрэйиллэр этэ* – То, что Толя проиграет (потерпит поражение) в последней схватке, было ожидаемым. Зависимые предикативные члены, выраженные причастием будущего времени на *-ых*, на русский язык должны передаваться придаточными предложениями с будущим времямодальным значением предиката: *буолуоҕа* – пока наступит», *кыттабым* – участвую ли я, *кыайтарыаҕа* – проиграет, так как будущее времямодальное значение зависимого предикативного члена должно сохраняться в переводе на русский язык.

Таким образом, в тюркском языкознании спряжение причастного предиката (личного глагола), связанного аффиксом принадлежности, объясняют следующим образом:

– притяжательное причастие превратилось в предикативный член (исторически);

– притяжательное причастие сохраняет свои признаки и образует причастный оборот (развернутый член);

– к причастию не присоединяется аффикс принадлежности. Это спрягаемое причастное сказуемое склоняется и образует придаточное предложение;

– причастный зависимый предикативный член трансформирует личную форму в развернутый член предложения.

Из сказанного следует: 1) аффикс принадлежности превратился в форму спряжения причастного предиката; 2) причастный предикат не спрягается с аффиксом принадлежности, аффикс является сложным аффиксом лица. Это только омоформы.

Необходимо объяснить, какую роль играет аффикс принадлежности в спряжении причастного предиката в тюркских языках.

V. Заключение. При склонении зависимого предикативного члена (конструкции) устанавливается связь – управление двух предикативных членов (главного и зависимого) в форме и значении падежа. Между двумя предикатами возникают, кроме временных, субъектные, объектные и обстоятельственные отношения. Эти отношения схематично выглядят следующим образом:

{Зависимая конструкция [Субъект – (предикат: причастие + время + аффикс лица + аффикс падежа (управление)] Главная конструкция [Субъект – предикат: глагол + время + аффикс лица]}

Использование причастий в форме основного падежа трансформирует зависимое предложение в субъектное притяжательно-причастное словосочетание: *мин сылдъарым тохтообута*: мин «я» (субъект) *сырыт* «присутствовать» + *ар* (причастие) + *ым* (1-е лицо эвиденциальное значение – сказуемое) (без эвиденциального значения аффикс спряжения воспринимается как притяжательный аффикс субъекта) – *тохтоо* «остановиться» + *бут* (причастие, результативное значение) + *а* (3-е лицо).

Употребление первичных причастий (в особенностях, причастий на *-ар/-бат*, *-ыхах/-ымыях*, *-быт/-батах*) в основном падеже в качестве подлежащего зависимого члена создает иллюзию употребления притяжательного аффикса в качестве спряжения причастного (именного) сказуемого. В действительности на основе субъектного употребления причастий с семантикой времени происходит выпадение эвиденциального прошедшего времямодального значения зависимого подлежащего предложения. А оставшееся причастное временное значение воспринимается как спряжение сказуемого (инфинитива-причастия или имени действия) с аффиксом принадлежности. Поэтому склонение причастных предикативных членов многими

исследователями воспринимается как притяжательное склонение причастий.

Подобной трансформации не может быть в языке, но она становится возможной в результате функционального синтаксического превращения зависимого предложения при потере им эвиденциально-времямодального значения: в подлежащем члене предложения возникает семантическая субъектная синонимия словосочетаний: мин барбытым – я уходил и барбытым – мой уход. Здесь превращение через «мой уходящий» в «мой уход» не происходит.

При автономном употреблении причастий в качестве личных сказуемых в языке не существуют притяжательных причастных сказуемых, имеющих инфинитивное и имядейственное значение. Потеря эвиденциального времямодального значения причастного сказуемого и его превращение в причастное притяжательное словосочетание с инфинитивно-имядейственным значением возможно только в предикативном склонении (зависимого) предложения в основном падеже.

Тем самым из существующих в языке случаев употребления причастных омонимичных аффиксов спряжения действительно притяжательным является только его использование в заместительно-субстантивированных причастиях: *сылдыбыт киним билэр* – *сылдыбытым билэр* – *мой уходящий знает*. В остальных: 1) в спрягаемых причастиях только омоформа эвиденциальности: *көрөр э+ти+м* – *көрөр+үм* – *я уходил*; 2) в склонении подлежащего зависимого причастного сказуемого – превращение синтаксического явления в морфологическое: *мин сылдъарым тохтообута*: *мин сылдъар этим (сылдъарым) тохтообута* – *перестал то, что я посещал* – *мой уход остановился (перестал)*.

Список литературы:

- Бетлингк О.Н. О языке якутов [Перевод с немецкого В.И. Рассадина]. Новосибирск: Наука, 1990. 646 с.
- Гаджиева Н.З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М.: Наука, 1973. 408 с.
- Коркина Е. И. Наклонения глагола в якутском языке. М.: Наука, 1970. 307 с.

Предикативное склонение причастий в алтайских языках. Новосибирск: Наука, 1984. 192 с.

Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. Новосибирск, 1976. 346 с.

Убрятова Е.И. Предикативное склонение в якутском языке // Научная сессия в ЛГУ. Тезисы докладов по сессии востоковедения. Л., 1946.

Ушаков Е.И. Синтаксические функции формы на -ган в современном уйгурском языке. М., 1956. 19 с.

Филиппов Г.Г. Причастие будущего времени на –yah и форма на –ya в якутском языке. Якутск, 1996. 190 с.

Филиппов Г.Г. Причастия якутского языка: комплексное типологическое функционально-семантическое исследование. Якутск: Изд. Дом СВФУ, 2014. 607 с.

Филиппов Г.Г. Саха тылыгар предикативнай падежтааһын / Предикативное склонение в якутском языке. Якутск, 1989. 136 с.

Харитонов Л.Н. Современный якутский язык. Якутск: Кн. изд-во, 1947. 312 с.

Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Глагол). Л.: Наука, 1981. 183 с.

References:

Betlingk O.N. *O jazyke jakutov* [About the Yakut language]. Translated from German by V.I. Rassadina. Novosibirsk: Science Publ., 1990. 646 p. (In Russian)

Filippov G.G. *Prichastija jakutskogo jazyka: kompleksnoe tipologičeskoe funkcional'no-semantičeskoe issledovanie* [The participles of the Yakut language: a complex typological functional-semantic study]. Yakutsk: Publ. of the North-Eastern Federal University, 2014. 607 p. (In Russian)

Filippov G.G. *Prichastija vudushhego vremeni na –yah i forma na –ya v jakutskom jazyke* [Future participle in –yah and the form in –ya in the Yakut language]. Yakutsk, 1996. 190 p. (In Russian)

Filippov G.G. *Saha tylygar predikativnaj padestahyn. Predikativnoe sklonenie v jakutskom jazyke* [Predicative declension in the Yakut language]. Yakutsk, 1989. 136 p. (In Russian)

Gadzieva N.Z. *Osnovnye puti razvitija sintaksisheskoj struktury tjurkskih jazykov* [The main ways of development of the syntactic structure of the Turkic languages]. Moscow: Science Publ., 1973. 408 p. (In Russian)

Korkina E. I. *Naklonenija glagola v jakutskom jazyke* [Inflections of the verb in the Yakut language]. Moscow: Science Publ., 1970. 307 p. (In Russian)

Predikativnoe sklonenie v altajskih jazykah [Predicative declension of participles in Altai languages]. Novosibirsk: Science Publ., 1984. 192 p. (In Russian)

Haritonov L.N. *Sovremennej jakutskij jazyk* [Modern Yakut language]. Yakutsk: Book publ., 1947. 312 p. (In Russian)

Shherbak A. M. *Očerki po sravnitel'noj morfologii tjurkskih jazykov (Glagol)* [Essays on the comparative morphology of the Turkic languages (Verb)]. Leningrad: Science Publ., 1981. 183 p. (In Russian)

Ubrjatova E.I. *Issledovanija po sintaksisu jakutskovo jazyka* [Research on the syntax of the Yakut language]. Novosibirsk, 1976. 346 p. (In Russian)

Ubrjatova E. I. *Predikativnoe sklonenie v jakutskom jazyke. Nauchnaja sessija v LGU. Tezisi dokladov po sessii vostokovedenija* [Scientific session at Leningrad State University]. Leningrad, 1946. (In Russian)

Ushakov E.I. *Sintaksisheskie funkcii formy na –gan v sovremennom ujugurskom jazyke* [Syntactic functions of the in –gan form in the modern Uyghur language]. Moscow, 1956. 19 p.

G.G. Filippov

Declination of Conjugated Participles in the Main Case and the Nature of the Change in Their Tense-Modal Meanings

Scientific novelty. The article is devoted to the problem of possessive conjugation of participles in the Turkic languages, a comparative analysis of the type-time-modal meanings of the autonomous participial predicate and the dependent subject member. As known in Türkology as an axiom it is accepted that the participial predicate is conjugated with the affix of belonging which gives the conjugated form an additional meaning of the past tense. In Yakut linguistics it has long been revealed that this is not an affix of belonging but a constricted analytical evidential form of conjugation of a nominal predicate with the meaning of the past tense. The question is why it is still believed that the participial predicative term is conjugated with the affix of belonging. We are inclined to suppose that the reasons for this statement are that the real facts of the language are being transformed into another plane i.e. from syntactic to morphological.

The aim and task of the article is to study this fact novelty – an explanation of the reason for this phenomenon. To reveal the essence of the semantics of the conjugated form, *the methods* of their componential analysis and the methods of literal and semantic translation of complex constructions, functioning in the main case of the predicative declension, are used. The use of primary participles (especially participles in -ar / -bat, -yakh / -ymyakh, -byt / -batah) in the main case as a subject-dependent member creates the illusion of using possessive affixes as a conjugated form of participial (nominal) predicates. But in reality on the basis of the infinitive-subjective use of participles the usual past tense-modal meaning of the dependent subject member is replaced with a possessive collocation.

As a *result* the dependent subject is perceived as conjugation of the participle-name of the action with the affix of belonging. Therefore the declension of participial predicative terms (predicative declension) is perceived by many scientists as the possessive declension of participles. The achievement of an adequate understanding of this fact as a predicate inducement is the result of the content of this article. Contributions from the artistic, scientific and publicistic literature of the Yakut language were used to explain this complex phenomenon.

Keywords: participle, predicative declension, participatory subject dependent member, conjugation of participles, type of modal meaning, subject-object infinitive, main case

